

18+

Игорь Филатов

Русалка

Почти по Андерсену

Игорь Алексеевич Филатов
Русалка. Почти по Андерсену

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26110228

SelfPub; 2019

Аннотация

Повесть о взрослении и разочаровании, о любви и выборе с элементами сказки и мистики.

Летняя ночь... Ни луны, ни звезд; душно... Тьма так черна и непроницаема, что, кажется, можно её потрогать. Всё замерло, скованное и придавленное мраком – ни звука, ни дуновения... И всё же совсем близко, во мраке, ощущается чьё-то присутствие. Невозможно разглядеть, что это, но без сомнения – оно огромно и могуче. Тьма чуть дрожит от тепла его исполинского тела, а редкий, едва слышный вздох говорит о том, что оно спит...

Море! Даже невидимое, оно ни на миг не позволяет забыть о себе, потому что оно здесь – всё. Это его дыхание затащило облаками небо, его покой поверг в оцепенение все вокруг. Теперь оно спит, но кто знает, каким оно проснется – характер его изменчив, а сила безгранична. От его настроения и прихоти зависят погода, очертания берегов, жизни и судьбы миллионов существ, обитающих в его глубинах и на побережье

Море! В этом коротком слове величавое спокойствие и бесконечность: миллионы лет прошлого и миллионы будущего; оно хранит свои тайны и пишет свою историю, по сравнению с которой падения Рима и Сталинградская битва – ничто.

Так было всегда, и так будет...

...

Вдоль берега, у самой воды, идет человек. Лишь звук шагов да учащённое дыхание выдают его присутствие. Море его не замечает.

Для него он не более, чем камешек, которых неисчислимо на берегу.

Человек спотыкается, что-то бормочет – идти по зыбкому песку трудно – но упрямо продолжает свой путь.

А море спит...

1.

...Мите наконец надоело ковылять по песку, увязая и спотыкаясь. Он снял сандалии, закатал джинсы и с облегчением зашлепал по влажной полоске берега, укатанной волнами. Время от времени ног его мягко касалась вода и тут же уходила обратно. Она была тёплая, словно мыльная, но все же охладила усталые ноги.

Берег уже давно стал неровным, пошли камни и глыбы песчаника. Это означало, что пляжи кончились и началось дикое побережье. Митя уже порядком устал, но возвращаться не собирался – раздраженный дух толкал его вперед, а досада и горечь не проходили...

Причина, заставившая Митю уйти ночью так далеко от лагеря, была банальна до пошлости, и Митя это прекрасно понимал. Но в неполные девятнадцать лет трудно быть философом.

Если придерживаться только фактов, ничего особенного не произошло: его подружка Светка, танцевала сегодня с другим. Всего-то! Но, во-первых, за два года знакомства они

принципиально танцевали только друг с другом, это было известно всем. Во-вторых, другим оказался не кто-нибудь, а радист лагеря Роберт Кочарян, красавец и сердцеед! Высокий, белозубый, Роберт никогда не тратил время даром и просто так с девушками не танцевал. Это тоже знали все.

Митя ничего не понимал. Ещё вчера он с одеялом в руках поджидал Светку после отбоя в кипарисовой "Аллее Влюбленных», и всё было, как уже много раз... В половине второго на пороге коттеджа она потрепала его за ухо, поцеловала на прощанье, шепнула: «Ну, беги...» – и исчезла за дверь. Он мог бы поклясться, что в этот миг она была ЕГО Светкой.

С тех пор прошли неполные сутки. Утром Митя уехал по делам в город, вернулся к обеду... А потом сломался водопровод в Верхнем Отделении, и всё остальное отошло на второй план – лагерь мог остаться без воды.

...Уже затемно, грязный и усталый, Митя наскоро поужинал в пустой столовой холодными макаронами, переоделся и поспешил на танцплощадку, где уже всюду гремела музыка. Пришел... и увидел Светку с Робертом.

Вначале он просто не поверил своим глазам. С ним здоровались, что-то спрашивали, он невпопад отвечал, а сам был не в силах оторвать взгляд от освещённого круга, где видел только Светку и Роберта. Роберт небрежно прижимал Светку к себе, а она, закинув руки ему на шею, преданно глядела ему лицо и, казалось, ничего не замечала вокруг. Когда та-

нец закончился, Роберт по-хозяйски взял Светку за локоть и повёл к скамеечке.

Кровь бросилась Мите в лицо. Он видел, как Роберт что-то шепчет на ухо Светке, как она смеётся, как у неё блестят глаза, и ему казалось, что этого не может быть...

...Митя внезапно остановился: дальше идти было просто невозможно – скалы вплотную подступили к морю. Стало прохладнее, проглянули звезды. Митя разглядел у самых своих ног большой плоский камень наполовину в воде, влез на него, сел, обхватив колени руками, и словно оцепенел...

Митя никогда не задумывался, любят ли они со Светкой друг друга. Всё сложилось само собой, без цветов и объяснений. Они учились на одном курсе, жили в одном общежитии, но даже не здоровались до тех пор, пока однажды Митя не пригласил её потанцевать. В Комнате Отдыха два раза в неделю, по средам и субботам, проводились танцевальные вечера. Там, в полутьме, пропахшей потом и табачным дымом, под музыку «Queen» и «Deep Purple» у мальчиков и девочек, как правило, начиналось то, что потом продолжалось на измятых кроватях, а порой просто на полу или подоконниках, и составляло основную прелесть общежития. Когда Митя обнял Светку за талию и привлёк к себе, то сразу понял, что она не будет против дальнейшего. Он нашел её губы, и она ответила с готовностью, словно ждала этого.

Весь вечер они танцевали только друг с другом. Гибкая и податливая, Светка спокойно позволяла ему обнимать и целовать себя, а губы её, тёплые и влажные, словно просили ещё... На следующих танцах они опять были вместе, а через два дня, как только представился случай, так же спокойно, без тени сомнений и стыдливости, стали близки.

...Светка оказалась гораздо опытнее Мити. Поначалу его это смущало, но потом всё стало на свои места. Они вместе обедали и ходили в кино, но учились каждый сам по себе. Для Мити учёба была гораздо важнее, хотя и Светка училась хорошо. Ей, как и всем девчонкам на потоке, не давалась электротехника, и этот предмет Митя всегда делал за двоих. Они не выясняли отношения, не говорили о будущем, но, вполне вероятно, через некоторое время поженились бы. А пока им было хорошо и так.

Светка была симпатичной девушкой. Невысокая, кареглазая, с хорошо развитой фигурой и гладкими, забранными в хвост тёмно-русыми волосами, она сразу не бросалась в глаза. Но приглядевшись, отводить взгляд уже не хотелось – смотреть было приятно. Так же легко и приятно было с ней общаться. Сколько помнил Митя, они ни разу не поссорились.

В их отношениях Мите не хватало совсем чуть-чуть, хотя в этом он не признался бы даже самому себе: ни разу, даже в самые откровенные минуты она не назвала его каким-ни-

будь ласковым словом: «любимым», «дорогим» или хотя бы «Митенькой». Было в её отношении к Мите что-то неуловимо покровительственное, хотя она безоговорочно признавала его превосходство и почти всегда уступала.

То, что произошло сегодня, было совершенно неожиданно! Глядя на свою подружку в объятьях Роберта, Митя вдруг понял, что совсем её не знает. Ему стало ясно, что все два года ходила с ним в кино и целовалась какая-то другая Светка, та, которую он себе представлял, какую хотел видеть. Она так естественно подстроилась под него, что ему и в голову не приходило искать в ней что-то иное. А сегодня он её не узнал: у неё блестели глаза, по лицу блуждала счастливая улыбка. Когда она заметила Митю, взгляд её, скользнув по нему, не изменился, только голова склонилась чуть ниже к плечу Роберта.

Мгновение после этого Митя стоял, как вкопанный, потом развернулся и зашагал прочь...

Он не знал, сколько просидел на камне. Тихо вздыхало море, снова скрылись звёзды, ночь шла своим чередом. Камень был холодный, но Митя ничего не замечал, мысли его снова и снова возвращались к Светке. Ему было больно. Он даже представить себе не мог, что бывает такая боль: словно разъедающая внутренности. И ещё было чувство, будто что-то сломалось, разрушилось и исковерканными обломка-

ми придавило сердце.

Светка его предала. Это было очевидно. Да, они ничего не обещали друг другу, но всё равно – она его предала. Сознать это было мучительно. Невыносимо было думать о том, что будет после танцев. Тут уж сомневаться не приходилось – Роберт знал свое дело! Митя заскрежетал зубами...

Раздался громкий всплеск. Митя поднял голову, но разглядеть ничего не смог. Плеск повторился, похоже было, что кто-то плывёт к берегу. «Кому ещё не спится?» – удивился Митя. Неожиданно всё стихло. Митя встал на ноги и прислушался. Прошла минута, другая... Вдруг рядом с камнем всхлипнула вода, обдав его брызгами, а через мгновение на берегу под легкими шагами заскрипела галька. «Кто здесь?» – крикнул Митя. Шаги стихли, и вновь наступила тишина. Митя не испугался, но что-то странное было в этом позднем купании и в этих быстрых легких шагах.

– Эй! – крикнул Митя. – Кто это?

Тишина и мрак. Казалось, даже воздух застыл...

– Что ты тут делаешь? – вдруг произнёс тоненький голосок совсем рядом с ним. – Это мой камень.

Митя вздрогнул от неожиданности и протянул руку вперед. Рука коснулась влажных прядей и опустилась на чьё-то худенькое плечо. Девочка... Нет, миниатюрная девушка стояла рядом с ним. Она не отодвинулась, не отвела его руку, только сказала:

– Зачем ты сюда пришел? Это моё место.

– Я... я не знал... – ответил изумлённый Митя. – Я здесь случайно... Но я сейчас уйду, не буду тебе мешать. А... а ты кто?

Девушка помедлила, словно в нерешительности, потом ответила:

– Если хочешь, можешь остаться. Я всё равно скоро поплыву обратно. Только отдохну немного.

Голос у девушки был нежный, мелодичный.

– Только в другой раз не приходи сюда и, пожалуйста, не рассказывай обо мне, иначе мне придется искать другое место.

– Ты, наверное, спортсменка? – спросил Митя. – Откуда ты приплыла? Случайно, не из нашего лагеря?

– Какого «вашего»? – спросила девушка.

– Из «Строителя». Ну, лагерь Строительного института...

– А-а... Знаю... – протянула девушка. – У вас на пляже, у самой воды бочка стоит, а сверху пират с кружкой.

– Ну, да!

Девушка засмеялась:

– Смешной! Нет, я не из вашего лагеря... Давай присядем, а то я устала немного.

Она опустила на камень и, уже сидя, спросила:

– А ты что здесь делаешь? Ваш лагерь далеко.

Может, темнота, может, странность обстановки располагали к откровенности, но Митя сел рядом с девушкой и вдруг

неожиданно для себя рассказал ей всё. То, что он не видел её, облегчало разговор, он рассказывал, совершенно не стесняясь, словно говорил сам с собой. Девушка ни разу его не перебила, только однажды коснулась руки, словно желая успокоить.

– ... Мне всегда казалось, что Ромео и Джульетта – это красиво, романтично, но... как-то неправоподобно. Умереть из-за любви? Глупо! А вот сегодня шёл по берегу и вдруг подумал: если войти в воду, идти, идти, пока вода не дойдёт до подбородка, потом ещё несколько шагов – и всё сразу кончится, не будет ни стыдно, ни обидно, ни больно...

– А сейчас? – спросила девушка.

– Что сейчас? – не понял Митя.

– Сейчас тебе не хочется войти в воду?

Митя озадаченно посмотрел в сторону девушки. Он не мог её увидеть, но ему вдруг очень захотелось узнать, как выглядит его таинственная собеседница.

– Послушай, кто ты такая? – спросил он. – Я впервые тебя вижу... то есть слышу... Почему я тебе всё рассказал? – он помолчал. – А ведь мне действительно стало легче.

– Я рада... – сказала девушки. – А теперь, – голос прозвучал уже от края камня, – прощай, мне пора.

– Подожди! Как тебя зовут? – закричал Митя, вскочил на ноги, но услышал только негромкий всплеск. Наступила тишина. Сколько ни вслушивался Митя, он так и не понял, в какую сторону поплыла таинственная девушка. Он стоял в

недоумении и спрашивал себя: не почудилась ли она ему – незнакомка с нежным голоском, приплывшая неизвестно откуда и исчезнувшая так внезапно.

2.

Студенческий лагерь «Строитель» под Алуштой был легендой. Здесь время от времени проходили фестивали, которые ни за что не разрешили бы в Москве; здесь устраивались мероприятия, о которых очевидцы рассказывали не иначе, как вполголоса, со смущёнными улыбками; здесь давали концерты кумиры подвалов, отвергнутые официальной эстрадой; наконец, в молодости здесь дважды отдыхал Саша Градский... Порой о лагере рассказывали просто невероятные вещи. Чему верить, а чему нет, разобраться было просто. Но ведь и о Трое мы знаем лишь по изустным рассказам не всегда правдивых людей – легенда есть легенда. Стоит заметить, однако: на пустом месте легенды не вырастают.

Не приходилось сомневаться в одном – «Строитель» представлял собой оазис любви. Или, лучше сказать, университет любовных отношений, главным и единственным предметом в котором была любовь. В лагерном распорядке она никак не упоминалась, но в этом решительно не было никакой необходимости: расписание и так соблюдалось неукоснительно: днём – теоретическая подготовка, осмысление пройденного, отдых, а после отбоя, ровно с 23.00 – практические занятия. (Отметим в скобках – как исстари пове-

лось в системе высшего образования, и по этому предмету настоящая учеба начиналась только с наступлением ночи.)

Можно сказать, здесь проходила третья сессия – свои экзамены, свои отличники и двоечники и, конечно, «хвосты»... Но цели и задачи у всех были разные. Одни самоутверждались, другие избавлялись от лишних, по их мнению, комплексов; некоторые, постарше и поопытнее, учились с помощью любви решать весьма практические вопросы. Были и такие, которые просто делали то же, что делают все: в институте надо решать задачи по сопромату – решают, здесь наука интимного общения – они и здесь не отстают. Были и «эпикурейцы», для которых любовь была удовольствием в чистом виде. Эти просто блаженствовали: её здесь можно было получать, почти не прикладывая усилий.

И только тех, кто в слово «любовь» вкладывал поэтично-романтический смысл, не было заметно вовсе. Именно здесь, под роскошным небом, на берегу тёплого лазурного моря романтика терпела безоговорочное поражение. Только и было слышно:

- Вадим снял Верку!
- Верка сделала Вадима!
- Ваня, ты сегодня с кем?
- Ещё не знаю.
- Блин, резина кончилась! Повешусь...
- Игорёк, будь другом, погуляй часок после танцев, постель нужна...

– Смеёшься?! Мне что, целый час целоваться?

– Верка, ну как Вадим?

– Вадим, ну как Верка?

Те немногие, которые не вписывались в эту наэлектризованную любовью атмосферу, чувствовали себя чуть ли не изгоями. Отношение к ним было насмешливо-презрительное – зачем было приезжать?

Долгожданная свобода от учёбы, от родителей, ласковое море, южные красоты, наконец, репутация лагеря – все это действовало неотразимо. Предварённые рассказами «бывалых», новички задолго до приезда предвкушали эти две фантастические недели, приезжали – и кидались, как в омут...

Многие относились к этому с юмором и даже умилялись: «Ах, молодость, молодость...» На самом деле, то, что здесь происходило, было страшно. Лагерь, задуманный и построенный, как место здорового и культурного отдыха студентов, был горнилом. Многие мальчики после двух недель в «Строителе» словно перешагивали невидимую черту: у них оставались те же почти детские лица, в голосах ещё слышался мальчишеский звонкий треск, но исчезал свет в глазах и куда-то пропадало неуловимое очарование чистоты и свежести, свойственной только юным. Мальчики иначе смеялись, иначе шутили, по-другому относились к сокурсницам и к женщинам вообще. Мальчикам хотелось поскорее стать настоящими мужчинами, и они так торопились повзрослеть,

что даже не замечали, как попадали в западню, из которой был только один выход: цинизм – вот что получали они взамен утраченной чистоты.

То же происходило и с девочками, но было, пожалуй, ещё глубже и ещё страшней. И так же необратимо.

Справедливости ради стоит сказать, что резко менялись только те, кто уже были внутренне готовы к этому. Но многие именно здесь начинали прибавлять к своему мировоззрению весьма существенные детали, и здесь же легко, с пренебрежением отбрасывали то, что совсем недавно считали необходимым.

...

Митя перешёл черту еще в школе. Произошло это само собой, почти случайно, и мало изменило его. В отличие от многих ребят Митя не был озабочен своей мужской полноценностью. Учёба, например, была для него гораздо важнее. Во всяком случае, происшедшее не стало для него событием – это должно было с ним случиться, как со всяким, и случилось. Он был даже разочарован: немного стыдно, не лишено приятности, но и только... Потом, всё еще в школе, его ненадолго посетила влюблённость, завершившаяся тем же. Вскоре она развеялась, как дым.

Уже в институте к его послужному списку добавилось ещё несколько эпизодов, один из которых он предпочитал

не вспоминать, и к тому времени, когда наконец появилась Светка, у него уже сформировалось твёрдое убеждение, что в отношениях между мужчиной и женщиной всё достаточно просто. Восторги и страдания, о которых пишут в романах, скорее всего сильно преувеличены, да и вообще, удел немногих. Сам же он был рад, что не принадлежит к их числу. Опытность Светки, как бы установившей правила игры, сняла с него необходимость что-то искать и изобретать. Так что в свои неполные девятнадцать лет он был, с одной стороны, уже достаточно искущён, а с другой – почти не тронут и в каком-то смысле вполне целомудрен. Ажиотаж, царивший в лагере, его забавлял. Глядя на лихорадочные попытки в последние минуты перед отбоем найти себе партнёра и слушая восторженные, явно преувеличенные рассказы о ночных подвигах, он снисходительно улыбался. Ему казалось, что они со Светкой выше этого, у них-то все ясно и улажено.

И вот теперь, в три часа ночи, лёжа в кровати и глядя в темноту, Митя ясно понимал, что ему это только казалось. Он мучительно пытался разобраться, что же произошло. Несмотря на поздний час, ни одного из трёх его соседей по коттеджу, ещё не было, никто ему не мешал.

Он вспомнил, как в середине июля на 3-ю смену приехала Светка. Они не виделись полтора месяца и первую же ночь провели вместе, а уже на другой день он заметил на её лице новое выражение: взгляд стал длинным, убегающим, а в

уголках губ затаилась улыбка, словно она постоянно ожидала чего-то приятного. Это делало её еще привлекательнее, ей бросали вслед многозначительные взгляды, и Мите это льстило.

Днём он Светку почти не видел, и чем она занимается до вечера, понятия не имел. Однажды ему показалось, что от неё пахнет сигаретами, но она объяснила, что курили девочки в её комнате. Это вполне могло быть правдой, девочки в лагере курили через одну. Стала чуть больше краситься, но он не придавал этому особого значения. Ничего другого Митя припомнить не мог. Светка была, как всегда немногословна, ласкова и покладиста. Что же произошло?

Больше всего, конечно, страдало самолюбие. Митя не считал себя красавцем, но прекрасно знал, что в лагере найдется не одна девушка, которая ни в чём ему не откажет, дай он только понять, что свободен. У него было открытое лицо, широкие плечи, и если особого обаяния он не имел, то впечатление силы и надежности производил вполне.

Ему вспомнился эпизод, который произошёл в самом начале его пребывания в лагере, сразу после приезда. После торжественного открытия, концерта и вечера знакомств, далеко за полночь, в немногочисленной компании он оказался на берегу моря. Было темно и весело. Вначале обменивались впечатлениями о концерте, потом говорили об учёбе, шутили, состязались в остроумии. Помянули Феллини, Тарковского... Потом кто-то рассказал анекдот...

После этого всё изменилось, словно кто-то подал сигнал. Анекдоты стали рассказывать по очереди, и с каждым новым они становились все сомнительнее и сомнительнее. Когда осторожно прозвучало первое неприличное слово, девочки смущенно захихикали, но ни одна не ушла. После этого приличных анекдотов уже не было, пошла откровенная похабщина. Митя не верил своим ушам... Всего час назад все собравшиеся на берегу были сплошь приличные молодые люди, будущие инженеры. У них были умные лица, они читали книги, ходили в театры и музеи. Он вспомнил, как одна из девочек, с золотым ободком в чёрных блестящих волосах, на концерте играла на скрипке, она так и пришла на берег моря с футляром. Теперь и она тоже слушала анекдоты и смеялась. В темноте, не видя лиц друг друга, мальчики и девочки легко отбросили условности и перестали быть такими, какими их хотели видеть родители и преподаватели, какими они сами хотели казаться при других обстоятельствах, и превратились в грязных поросят. Наверное, им казалось что это весело и по-своему романтично. Наверное, они казались сами себе взрослыми и независимыми. Отчасти это была игра и бравада, но Митя чувствовал – они и в самом деле были готовы к тому мерзкому, что составляло суть анекдотов, они хотели этой мерзости, за ней сюда и пришли. И хотя он был старше и опытнее многих из них, его покорило это коллективное стремление вывалиться в грязи.

Все девочки курили. Мальчики уже совсем не смущались

и говорили, не выбирая слов. Последний рубеж был преодолен, когда одна из девочек вызвалась рассказать анекдот и храбро произнесла отвратительное, грязное слово, которое пишут в основном на заборах. Все одобрительно захохотали. Её не было видно в темноте, но Митя вспомнил: кажется, Оля, светленькая, пушистая, как котёнок, только что окончила первый курс. От кого она узнала этот пошлый анекдот? Когда первый раз вслух произнесла это отвратительное слово? Так не вязалось оно с её кукольной внешностью, так странно прозвучало, произнесенное тонким нежным голоском, что ему стало не по себе.

После этого дело стало приближаться к развязке. Все уже разбились по парам. Рядом с Митей сидела девица с пышной грудью и горячо дышала ему в щёку. Она громко смеялась и почти касалась его плечом. Митя решил, что не будет принимать участия в заключительной сцене. Вовсе не из-за Светки. Он не считал себя ни ханжой, ни романтиком, ему было просто противно. И еще – его поразило, как под покровом темноты люди вдруг открылись с тайной стороны, стали другими. Словно оборотни! Что-то страшное и... опасное было в этом. Он интуитивно почувствовал, что оставаться нельзя. У него появилось ощущение, что если он сейчас же не уйдет отсюда, что-то потеряет, что-то очень важное... Он не мог понять, что, но точно знал – оставаться нельзя!

Его соседка спросила хриплым шепотом:

– Может, познакомимся? – он спиной почувствовал её

мягкую грудь. – Как тебя зовут?

Митя отодвинулся и пробормотал:

– Мне завтра рано вставать. Извини...

Потом деланно зевнул, поднялся и ушел. Но ещё долго его не покидало тягостное ощущение, что он в чём-то виноват...

Теперь он спрашивал себя, а как бы вела себя Светка, если бы оказалась с ним в такой компании? Смеялась бы, когда рассказывали анекдоты? Рассказывала бы сама? А если бы была одна, без него? И не мог ответить... Он пытался вспомнить, о чём они обычно разговаривали с ней наедине, но ничего не мог припомнить, кроме пустяков, о которых могут говорить даже незнакомые люди. А ведь они, что называется, любили друг друга... Какая же она, Светка на самом деле? А остальные?..

Митя вспомнил известную в общежитии красавицу Лёлечку, свою однокурсницу, которая на его глазах за год стала другим существом. На первом курсе, в сентябре – широко открытые глаза, румянец смущения от случайного взгляда, ожидание чуда... И надежда – вот она, настоящая жизнь! Через год, в это же время – цепкий, испытывающий взгляд, обильная косметика и никакого ожидания – всё уже сбылось, а на стене лифта короткое резюме фломастером: «Лёлка – б....». Словно жизнь прожита, хотя прошло всего девять месяцев самостоятельного бытия в общежитии да две недели в «Строителе». Ему вдруг стало мучительно жаль Лёлечку. Он

даже поёжился – это слишком напоминало смерть, но понял он это только теперь.

«А Светка? Разве она лучше? – подумал он. – А я?..»

Скрипнула дверь, вернулся Веня Векшин, высокий, худой, вечно взъерошенный парень. Он учился с Митей на одном курсе и считался его товарищем, впрочем, как и половины ребят на курсе.

– На месте уже? Не спишь? Страдаешь? – Веня сел на кровать. – Всё знаю... Сочувствую.

Он стал раздеваться и вдруг хохотнул:

– Ленка мне сегодня анекдот рассказала: «Приходит еврей домой, жена ему говорит: «Слушай, Абрам...»

– Слушай, Веня, – перебил его Митя, – в другой раз, хорошо? Мне не до смеха.

Веня проворчал:

– Ладно... Какие-то колючки на штанах... И чего нас в горы потянуло? Всё! Больше не экспериментирую: или пляж, или беседка...

Он бросил штаны на пол рядом с кроватью и в трусах подошёл к столу. Сел, расставив тощие волосатые ноги, скептически посмотрел на Митю, затем не спеша налил из графина воды, выпил одним духом и рухнул на постель:

– А-а-а, хорошо! Если б ещё завтра рано не вставать...

Митя молчал.

Веня приподнялся на локте:

– Слушай, Митрий, ты особо-то не переживай, плюнь! Время уходит... Галка Симонова сейчас свободна, точно знаю. Я сам хотел, да с Ленкой неожиданно получилось. Она, в принципе, тоже неплохой вариант, но Галка, конечно, лучше. Ты не тяни, дело верное. Она к тебе неровно дышит, точно знаю.

Митя молчал, но когда Векшин уже решил, что продолжения разговора не будет, вдруг спросил:

– Вень, а тебе всё равно: что с Ленкой, что с Галкой? По большому счету?

– А какая разница? Я же не жениться хочу. – Веня уже лежал под простынёй и чесал подмышку. – Конечно, хочется, чтоб покрасивее: ну, там грудь и всё такое... Но, честно тебе скажу: это не главное...

– А что главное?

– Чтоб проблем поменьше, а всего остального побольше. Ну, ладно, поспать надо хоть немного. Спокойной ночи...

Он засунул голову под подушку и через минуту уже храпел.

Митя лежал и думал: «Как у него всё просто! Не Ленка, так Галка, не Галка, так... так Светка, чего уж там! – он скрипнул зубами. – ...Может, так и надо? А что? Счастливый человек! Спит, как младенец... Но как же может быть все равно?! Галки, Светки... И так всю жизнь?»

Он сел на кровати: «Неужели и Светке было всё равно? У нас два года было всё хорошо, а она ушла... Любовь? Навер-

ное... А что же тогда у неё было со мной? Разминка перед Робертом?»

Он представил Светку в объятьях Роберта и застонал: «Они сейчас, наверное, ещё вместе... А может, она уже вернулась: лежит и вспоминает, каков был Роберт, и сравнивает со мной...»

Митя схватился рукам за голову. Он всегда считал себя человеком уравновешенным и не слишком эмоциональным. Теперь выяснилось, что страсть его только лежала под спудом. Он чувствовал, как в нём зарождаются какие-то тёмные силы, смутные желания и предчувствия. Он уже не сомневался, что безумно любит Светку. Впервые в жизни он ревновал, ему хотелось отомстить, сделать ей больно, заставить так же страдать! И ещё было жаль себя прежнего. Он чувствовал, прежнего Мити уже не будет.

«Что же теперь делать? Как Веня, я не хочу, да и не смогу... А куда деваться по вечерам? – Он снова схватился за голову и заскрежетал зубами. – Уже завтра весь лагерь будет обсуждать... И утешители найдутся! А-а-а-а, черт! Хоть уезжай!»

На крыльце затопали. Митя торопливо лег, натянул простыню на голову и замер. Вернулись сразу двое. Пока раздевались и разбирали постель, шептались, едва сдерживая смех, видимо, делились впечатлениями. Потом не в силах больше сдерживаться, вышли из домика, и уже с улицы Митя услышал их возбужденные голоса, прерываемые время от

времени взрывами хохота. От этих «Га-га-га!» и «Уа-ха-ха!» ему стало совсем тошно. Он, как Веня, засунул голову под подушку, закрыл глаза и приказал себе спать. Но сон пришел только под утро.

3.

Весь день Мите не давал покоя водопровод. Слесари ругались, грозили всё бросить и уехать, и он кратчайшим путем по горным тропкам делал концы из Верхнего отделения в Прибрежное то за паклей, то за винтами, весь исцарапался и стёр пятку до крови.

Никакой официальной должности у Мити в лагере не было, при этом он был правой рукой директора, и лучшего помощника тот вряд ли бы себе пожелал. Митя ездил в город за продуктами, стриг газоны, помогал художникам рисовать стенгазеты, расселял вновь прибывших, составлял отчеты, словом, с лихвой отработывал свое бесплатное двухмесячное пребывание на море. Ему было не привыкать, ещё в школе он научился выполнять кучу поручений, не перекладывая на других и не ожидая благодарности. Все учителя знали: хочешь, чтобы задание было выполнено, поручи Макарову. Было что-то основательное, надежное в его крепкой фигуре и серьёзном скуластом лице. Нахмутив густые брови, он выслушивал задание, кивал головой, и это означало, что дело будет сделано наилучшим образом.

В институте быстро поняли, какой ценный кадр им достался. Митя никогда ничего не забывал, не опаздывал, не выбирал работу полегче и к концу первого курса стал просто незаменим на факультете, при том что учился отлично. Конечно, на нём ездили и факультетские, и общежитейские начальники, а на втором курсе выдвинули на институтский уровень, чтобы там хоть кто-нибудь работал. После второго на море его курса, можно сказать, сослали, сказали: «Отдохнѐшь!» – хотя отдыхом это можно было назвать с большой натяжкой.

...Светкина измена занозой сидела у Мити в сердце, но страдать времени не было, и это было благом. Время не шло, а летело: кажется, только-только он раздавал наряды слесарям, а уже наступил обед. В столовую он прибежал, когда она была уже пуста. А через несколько минут он мчался в Верхнее отделение, и если бы его спросили, что он съел, он затруднился бы ответить...

Только в четыре часа пополудни, в самую жару, у него выдалось несколько свободных минут. Механики тестировали насос, а Митя стоял, поставив ногу на ржавую холодную трубу, и ждал, когда из трубы в резервуар польѐтся вода. Над морем и побережьем висел зной, в раскалѐнные горы жестоко палило солнце, а здесь под отвесной скалой, в тени огромного корявого вяза было сумрачно и даже не очень жарко. Футболка прилипла к потному телу, но Мите было лень её

снять. Он отдыхал и думал: «Подольше бы копались рабочие...»

На поверхности трубы собирались холодные капли, медленно утяжелялись и падали, заворачиваясь в пыль. От резервуара, наполовину заполненного чёрной неподвижной водой, тянуло свежестью. Несколько жёлтых, неведомо откуда залетевших листков акации прилипло к поверхности воды, на одном из них ярко блестела паутинка: лучик солнца как-то чудом пробился сверху через частую листву вяза и словно прилип к ней.

Время, которое с утра несло кувырком, вдруг остановилось. Митя смотрел на тёмную маслянистую воду, в глубине которой что-то таинственно белело: то ли лист бумаги, то ли кусок известняка, – и ему вдруг вспомнилась странная ночная девушка. Он нахмурился, потом улыбнулся и решил как-нибудь ночью снова сходить к плоскому камню.

...Через полчаса в штабе лагеря он, срывая голос, кричал в трубку телефона, дозваниваясь до Алушты: кончилась изоляция. Так прошёл день...

...Когда на танцплощадке заиграла музыка, Митя лежал в своей комнате, заложив руки за голову, и через окно смотрел на звёздное небо. В комнате было темно, он очень устал, ноги гудели, но спать не хотелось. Молодое сильное тело протестовало против покоя и одиночества... Вместе с музыкой в открытое окно вливались приторные ароматы ночных цве-

тов, они томили и делали одиночество одновременно и мучительным, и сладким.

Митя представил танцплощадку: освещённый круг с танцующими парочками; взрывы смеха в полутьме; едва сдерживаемое, почти осязаемое возбуждение, повисшее над пятчком, и вскочил с кровати. Торопливо обулся, кинулся к двери, даже взялся за ручку, но снова вернулся и лег на кровать.

Звёзды смотрели на него и словно говорили: «Как всё сложно и неразумно у вас, людей; торопливы и ненадежны ваши отношения, мимолетна и суетна ваша любовь. Вы жаждете удовольствий, спешите, а когда добиваетесь, чего хотели, не понимаете, что потеряли больше, чем получили... Вы судорожно цепляетесь за миг, не понимая, что живете в вечности! Подумайте об этом, успокойтесь, и большая часть ваших проблем исчезнет сама собой!»

Митя не слышал звезд. Он ворочался, вздыхал, отчаянно пытался уснуть, а когда посмотрел на часы, увидел, что нет ещё и двенадцати. Он сел на кровати: «Всё равно не спится, схожу-ка ещё раз к этому камню. Может, опять приплывет эта странная девушка... Интересно, какая она из себя? Сегодня можно будет разглядеть, ночь ясная...» Митя взял куртку и вышел из домика.

...Морю в эту ночь тоже не спалось. Оно было задумчиво, серьёзно и думало какие-то свои затаённые думы, изредка

набегая на берег длинной пологой волной: шу-у-у-у... Светила луна, и было видно, как волна долго катится вдоль берега, гася сама себя, потом нехотя отступает. Через некоторое время другая, всё больше изгибая гладкую поверхность воды, косо приближалась к берегу и медленно наползала на него. В этом мерном движении, которое невозможно было ни замедлить, ни остановить, чувствовалась исполинская сила и неподвластность ничему, кроме собственной прихоти.

Меньше, чем через час Митя был у скалы, в тени которой прятался плоский камень. Ещё издали он увидел чёрный силуэт: кто-то сидел на самом краю, обхватив колени руками. «Она!» – обрадовался Митя.

Девушка была неподвижна. Какая-то тёмная накидка покрывала её с головы до ног. Митя осторожно взошёл на плитку и тихо сел позади.

Шли минуты, мерцали звёзды, поплёскивали о камень волны. Митя почему-то оробел и никак не мог решиться начать разговор.

Внезапно девушка обернулась:

– Ты здесь? Я вдруг почувствовала... А я... —она запнулась, – ...а я тебя жду... Уже давно...

– Гм... ещё час назад я даже не знал, что приду. Но, как видишь, пришёл... И вот уже несколько минут сижу и не могу придумать, что сказать.

Девушка засмеялась:

– До сих пор не придумал?

– Нет.

– Тогда зачем же пришел?

– Не знаю... – Митя помолчал. – Может быть, для того, чтобы узнать, кто ты, и рассмотреть тебя получше. Ну, так кто же ты, спортсменка?

– Нет.

– Тогда сдаюсь, у меня больше нет версий.

Девушка долго молчала, потом сказала:

– Я – русалка!

– Ну, это понятно. А на самом деле?

Она усмехнулась:

– Не веришь? Тогда сейчас придумаю что-нибудь другое, чтоб тебя устроило...

– Ну, хорошо, – засмеялся Митя, принимая игру, – русалка, так русалка. Но имя-то у тебя есть? Как мне тебя называть?

– Называй, как тебе захочется.

– Ничего себе! А если я назову тебя, например... Бабой Ягой?

Девушка помолчала, потом тихо сказала:

– Но ты же не захочешь меня обидеть... Зачем тогда ты пришел?

Она произнесла это серьезно, и что-то изменилось, разговор вдруг перестал быть просто шуточной болтовней.

– Извини, – Митя был немного сконфужен, – мне вовсе

не хочется тебя обижать... А знаешь, – он опять перешел на шуточный тон, – я кое-что придумал... Мне очень нравится имя Ася. Когда-то я читал повесть с таким названием, главную героиню звали Асей, а в жизни я ещё ни одной Аси не встречал. Ты будешь Асей, если не возражаешь, конечно. Ну что, подойдет? Меня, кстати, зовут Митя.

– Очень приятно, – сказала девушка, потом церемонно протянула ему

руку и представилась, – Ася...

Митя пожал её маленькую ладошку и сел рядом, и только тогда понял: то, что он принял за накидку, – волосы девушки. Роскошные, густые, они покрывали её с головы до ног.

– Вот это да! – изумился Митя. – Да ты и впрямь настоящая русалка!

Девушка перебила его:

– Ты помирись со своей девушкой?

Митя помрачнел:

– Давай не будем об этом.

– Как хочешь...

Они помолчали, потом девушка сказала:

– Ну, вот ты и сделал то, ради чего пришел: узнал, кто я такая. Даже имя мне придумал. Можешь уходить.

– Это не всё. Я ещё хотел разглядеть тебя получше. Ночь светлая...

– Правда? Ты так думал? – спросила Ася.

– Честное слово!

– Ну, что ж, тогда смотри... – она повернула голову. – ...

А я посмотрю на тебя.

Её лицо оказалось прямо перед ним. Красиво оно или нет, Митя не понял, но у него забилося сердце. Худенькое, с острым подбородком, освещённое луной, оно было почти прозрачным, но главным на нём были глаза. Огромные, они заслоняли всё остальное и глядели на него испытывающе и тревожно; кроме этих глаз он не видел ничего. Ночь, призрачный свет, тишина, которую нарушал только редкий плеск волн, превратили происходящее во что-то необыкновенное. Мите стало не по себе. Он невольно подумал: а вдруг она и вправду русалка?

– Мне кажется, что ты красивый. – задумчиво произнесла Ася.

Митя улыбнулся:

– Бывают лучше.

– А я тебе понравилась?

– Честно?

– А какой смысл говорить неправду?

– Не знаю. Но... я бы хотел увидеть тебя днём. – сказал

Митя. – Сейчас всё как-то не по-настоящему.

– Это невозможно.

– Почему?

– Русалки не переносят солнца.

– Я читал сказку Андерсена про русалку, там она прекрасно переносила.

– Это потому что сказка. А я настоящая русалка, и знаю лучше, чем твой Андерсен.

– Так уж и настоящая? – шутливо сказал Митя. – Тогда у тебя должен быть хвост. Ну-ка, покажи...

Он отвел с её плеч пышные пряди и увидел, что на ней ничего нет. Она была абсолютно нагая. В лунном свете жемчужно мерцало её тело.

Он растерялся:

– Ты... Э-э-э... Тебе не холодно?

Он сказал это, чтобы хоть что-то сказать.

– Нет, я всегда так плаваю. – спокойно ответила Ася. – А про хвост – это всё выдумки.

Митя был озадачен.

– Послушай... Ася... – начал он нерешительно.

– Я знаю, что ты хочешь спросить. – перебила Ася. – Давай договоримся: ты не будешь допытываться, кто я, откуда и почему не похожа на других. Иначе я больше не приплыву сюда. Я и в этот раз долго думала, прежде, чем решилась.

– Хорошо. – согласился Митя. – Но если я не буду спрашивать, ты будешь приплывать?

– А ты будешь приходить?

– Конечно! Разве можно упустить такой случай: познакомиться с настоящей русалкой?!

– Тогда договорились. Только ты никому не должен рассказывать обо мне.

– Если я даже расскажу, мне всё равно не поверят. Но я

буду молчать.

– И еще: не называй меня русалкой. Теперь у меня есть имя.

– Договорились!

– Ну, а что же мы будем делать? – спросила Ася.

Митя воскликнул:

– Что делать? Купаться! Прямо сейчас! Представляешь, я целый месяц на море, а уже забыл, когда последний раз купался!

– А ты хорошо плаваешь? – Ася встала, подошла к краю камня и быстро свила волосы во что-то похожее на косу.

– Нормально... – бодро ответил Митя, не отводя глаз от её тоненькой фигурки, освещённой луной.

– Тогда поплыли, сегодня лёгкая вода.

Она спрыгнула в воду. Вода приняла её беззвучно, Митя даже не расслышал всплеска. Он скинул с себя футболку, шорты и тоже нырнул.

Всё было необычно в эту ночь. Митя привык считать себя разумным человеком, он не верил в чудеса, не верил в Бога. До сих пор жизнь была для него проста и понятна. То, что происходило с ним сейчас, было странно, почти нереально, оно не вписывалось в обыденность, в которой он до сих пор существовал. Это занимало его и немного тревожило. С одной стороны, надо было как-то объяснить себе ситуацию, с другой, не хотелось ничего понимать и объяснять, хотелось

просто отдаться событиям, которые властно увлекали его куда-то.

Вода обняла Митю, легко приподняла на едва заметной волне и, когда он поплыл, мягко заструилась по бокам и животу. Он мощно раздвигал её сильным телом, и она податливо уступала ему, словно приглашая плыть дальше.

Рядом с ним возникла Ася. Она двигалась бесшумно, слегка опережая его. Он поплыл быстрее, но она все так же оставалась впереди, тогда он рванулся изо всех сил, бешено заколотил руками и ногами, и когда, тяжело дыша, поднял голову, Аси рядом не было. Гордый своей победой, Митя обернулся и окликнул её. Она отозвалась, но не сзади, как он ожидал, а метрах в десяти справа.

– Оставайся на месте... – услышал он её тоненький голосок. Через мгновение она вынырнула прямо перед Митей и снова исчезла. Он долго вертел головой, пытаясь угадать, где она появится, и уже начал беспокоиться, когда вдруг её ладони легли ему сзади на плечи. Он повернулся и опять не увидел никого. Прошло всего несколько мгновений, и вдруг издалека, как будто от невидимого горизонта послышалось:

– Митя-а-а... Плыви сюда, не бойся...

И Митя поплыл. Поплыл, не раздумывая. Почему-то он был уверен, что с ним ничего не случится. Под ним была чёрная бездна, он плыл в открытое море на зов странной девушки, которая называла себя русалкой и плавала, как русалка. А он плыл, вода приятно холодила кожу, и всё было

хорошо...

...Вернулся Митя под утро. До подъёма было полтора часа, он уснул мгновенно, а когда открыл глаза, опять не мог понять, сон ли ему снился или всё-таки это было —ночное купание и таинственная девушка.

4.

На следующий день Митя едва смог дожждаться вечера. Ему приходилось прикладывать усилие, чтобы работать так, как он привык. Иногда он словно натыкался на невидимую преграду и переставал понимать, что делает. Однажды даже переспросил, чего от него хотят – такого с ним ещё не бывало. Даже Светкина измена отдалилась и потускнела.

То, что произошло, не укладывалась в его голове. «Нет, это не сон. – говорил он себе. – Вот ссадина на коленке: помню, как задел, когда влезал на камень. До сих пор болит... Плавки утром были ещё мокрыми... Было! Никаких сомнений! А чего же я испугался? Ну да, странная девушка... Так они все со странностями... Искупался ночью?.. Подумаешь! На самом деле, ничего такого, чего нельзя было бы объяснить, не случилось. И всё же, кто она? Русалка? Смешно! Хотя... Если умеешь так плавать, почему бы и не называть себя русалкой... И всё-таки это странно, очень странно...»

Митя считал коробки с макаронами, чинил электропро-

водку и постоянно ловил себя на мысли, что время течёт слишком медленно...

...

Вечер всё-таки наступил. Митя сидел на кровати и смотрел, как Веня собирается на свидание. Над лагерем плыла нежная мелодия «Спи, моя радость, усни...» Отбой, и – начало ночных бдений. Раньше Митя не обращал внимания на то, чему дают отсчёт детская песенка, а сейчас его покорило.

Веня одной рукой брился, а другой искал что-то в рюкзаке. Бритва то и дело отключалась, и Веня страшно ругался, потому что опаздывал.

Митя завёл и бросил Вене свою, механическую.

– Мерси! – поймал на лету Веня.

– Жвачка нужна?

– Давай! – теперь Веня в одно и то же время брился, копался в рюкзаке, жевал, а кроме того ещё делал судорожные движения, пытаясь залезть в завязанные башмаки.

Через несколько секунд терпение у Вени лопнуло. Он отшвырнул башмак и вытряхнул содержимое рюкзака на кровать:

– Черт! Да где же они? Я же помню – целая упаковка была!

Он задумался, и вдруг кинулся к соседней тумбочке. Порылся там, и лицо его просияло:

– Есть! Отлично! Слушай, Митюх, скажи Серёге, что я у

него взял парочку.

– Сам скажешь. Я тоже уйду.

Веня перестал бриться, обернулся и уставился на Митю.

– Круто! – глаза у него заблестели, он даже присел на кровать. —

Ну, ты красавец! С Галкой, да?

Мите стало смешно:

– Нет... – улыбнулся он. – Не с Галкой.

– Во даёт! – Веня забыл про свидание. – Как зовут? Я её знаю?

Давай-давай, колись! Ну?..

– Не знаешь, успокойся... И вообще, не приставай пока.

Веня многозначительно выпятил нижнюю губу и покачал лохматой головой:

– Не ожидал...

Покрутил головой и добавил:

– Уважаю!

Он пожал Мите руку, но тут же спохватился и вскочил:

– Ладно, Митрий, я побежал, а то моя девушка с характером, ждать не любит. Потом расскажешь... Удачи!

Он выбежал, но тут же вернулся, озабоченный:

– Слушай, раз так, тебе тоже нужно! Возьми у Серёги в тумбочке, там ещё есть. После разберемся...

Митя покачал головой.

– Ну, как знаешь... – и Веня исчез.

Митя тоже стал собираться.

Снова была чёрная безлунная ночь, снова, невидимое, вздыхало море. Митя шёл уже знакомым путем, увязая в песке, и боролся с сомнениями. Какой-то голос внутри говорил ему: «Вернись, пока не поздно! Не ходи! Зачем тебе это нужно? Ты же ничего не можешь хоть как-то объяснить».

Митя был полностью с ним согласен, а ноги несли его вперёд. Конечно, новизна ощущений, вполне объяснимый интерес к девушке, если не красивой, то загадочно-привлекательной, плюс уязвлённое мужское самолюбие – уже и этого было достаточно, чтобы оправдаться перед самим собой. Но что-то ещё тянуло его туда, и это «что-то» было самым главным.

Ася ждала его, и они проговорили почти всю ночь. Говорил, в основном, Митя. Никогда он не был словоохотлив, а тут не мог остановиться. Оказалось, ему так много нужно рассказать... То, о чём он рассказывал, было неожиданным для него самого. Он и не думал, что помнит это.

Например, как в детстве носил обед дедушке, работавшему сторожем на совхозной бахче. Это было забыто, а теперь всплыло откуда-то из глубины памяти. Ему хотелось, чтобы Ася представила, как он, маленький, гордый взрослым поручением, шёл в далекий путь. Это и вправду было далеко – километров пять – и тянуло на настоящее приключение. Идти нужно было через бескрайнее кукурузное поле по высох-

шему руслу поливного арыка. Он шёл босиком по тончайшему песку, мягкому и горячему, а по сторонам тёрлись друг об друга и таинственно шуршали жёсткие листья кукурузы. Из них кто-то смотрел на него злыми горящими глазами, и ему было так одиноко и страшно, что он был готов заплакать. В груди колотилось сердце, а он шёл и замирал от ужаса, похожего на восторг... Зато потом, на бахче, когда дед, выбрав лучший арбуз, ловко взрезал его и тот с треском разваливался на две ярко-розовых половины, распространяя нежный аромат, каким наслаждением было выпиться в хрусткую прохладную мякоть и чувствовать, как сладкий сок струится по пересохшему горлу! Стоило пережить кукурузный ужас, чтобы познать это счастье! Никогда больше арбузы не пахли таким тонким дразнящим ароматом, легким и освежающим...

Ещё Митя рассказал Асе о горе, которое он испытал, когда умерла его собака. Это было именно горе. Он говорил и чувствовал, как у него каменеет лицо и прерывается голос. Но не мог остановиться, ему просто необходимо было высказать то, что он никогда никому не рассказывал. Боль и стыд снова обожгли его. Он вспомнил, как Джек смотрел на него преданными, любящими глазами и ждал, когда Хозяин, самый добрый, самый сильный и всемогущий, за которого он, Джек, без раздумий отдал бы жизнь, прекратит его боль. Митя помнил, как постепенно тускнели глаза Джека, как из них уходила вера, а вместе ней – жизнь. Только теперь, рас-

сказывая Асе, Митя осознал, что до сих пор не простил родителей за то, что уже через несколько дней после смерти Джека они улыбались, шутили и утешали его обещанием купить другую собаку. Он вспомнил всё так, как будто это было вчера, хотя ему казалось, что он похоронил эти воспоминания глубоко-глубоко.

Договорились встретиться они и на следующую ночь. Правда, в этот раз долго разговаривать не пришлось – Ася торопилась. Но, расставаясь, сказала «До завтра!» так, словно это само собой разумелось. И опять он не мог дождаться отбоя, и опять почти бежал уже знакомой дорогой к плоскому камню, и опять они с Асей проговорили почти до утра.

В эту, четвёртую ночь Митя перешёл какую-то границу. Он чувствовал, что становится другим. Плоский камень словно заколдовал его. Или расколдовал...

Как шелуха, слетали с него оболочки. Всё, что он считал важным, обязательным, не подлежащим сомнению там, в лагере, и вообще, в той, другой жизни, здесь теряло смысл, казалось надуманным и смешным. Здесь, на камне он становился самим собой – тем, которого уже почти забыл, привыкнув к условностям и границам взрослой жизни. Он всегда хорошо знал, чего ждали от него мать, товарищи, преподаватели, Светка, и старался делать именно это. Ему казалось, что в этом и есть смысл жизни – оправдывать ожидания. На собственные прихоти и желания он научился смот-

реть как на препятствия, которые нужно преодолеть, чтобы сделать что-то полезное для других. А что же такое он сам и что нужно ему, чтобы быть счастливым, над этим он даже не задумывался. И вдруг оказалось, что ему катастрофически не хватало человека, которому бы нужен был сам Митя, а не то, что он может для него сделать; с которым не нужно было «соответствовать», которому можно рассказать всё, не выбирая слова, не боясь показаться каким-то «не таким». Он словно проснулся. Или, наоборот – погружался в сон, который становился реальной жизни. Это походило на сказку, у которой не могло быть счастливого конца.

5.

А в лагере по-прежнему бушевали любовные страсти.

Однажды вечером при Мите произошел такой разговор:

– Мужики, новость дня! Белла Борисовна нашла себе, наконец...

– Не свисти!

– Точно говорю, сам видел, шофёр из города. У него машина сломалась, остался в лагере ночевать, ну, и...

– Ха-ха-ха! Повезло чуваку!

– А что?... (ухмылка) ...если Белочку завести...

– Ну, если только бутылки три выжрать...

– Пошляк! Они о музыке будут говорить.

– Гы-гы-гы! Белла ему «Болеро» споеет.

– Завтра посмотрим...

Митя поморщился. Изабелла Борисовна, полная перезревшая еврейка с усиками, профессиональный педагог по вокалу, была руководителем институтского ВИА с громким названием «Зодчие». О чём бы она ни говорила с мужчиной (возраст и внешность значения не имели), на лице её всегда было такое выражение, словно она знает его самые тайные помыслы и одобряет их. Митя был свидетелем, как Белла выдавала своим ребятам концертные ботинки, и когда кто-нибудь называл свой размер, приговаривала: «Хорошо-о! Ах, как хорошо!» – как будто размер ноги говорил ей о чем-то совсем другом, гораздо более важном. Мите было её откровенно жаль. Она была не замужем, скорее всего, старая дева. Здесь, в лагере у неё, пожалуй, ещё оставался шанс обогатиться хоть какими-то воспоминаниями. На пляж она всегда приходила с зонтиком, в кружевной шляпке и в полной боевой готовности. Плавать она не умела и всегда барахталась около берега, напоминая собой надувную игрушку, поэтому Митя хорошо знал её прелести в виде тяжелого увядающего бюста и коротких ножек, которых не брал загар.

Новость обсуждали её питомцы: ударник Игорь, красавчик-гитарист Вадим по прозвищу «Гений» (что бы он ни сыграл, Белла закатывала глаза и говорила: «Гениально!»), и мультиинструменталист Ваня Свешников, краснощёкий толстогубый парень, любимец Изабеллы Борисовны. («Мультиинструменталист» означало, что Ваня, чуть-чуть

играя на гитаре, научился кое-как играть на флейте). Митя неплохо знал не слишком щепетильного Ваню, поэтому особенно пожалел Изабеллу Борисовну.

Через несколько часов на его глазах произошло завершение этой “love Story”.

Перед тем, как идти к Асе, Митя забежал в администрацию посмотреть наряды на следующий день. Отперев дверь своим ключом, он быстро пробежался по спискам, сделал пометки, затем выключил свет и собрался было уходить, но уже в дверях вспомнил, что забыл ключ на столе. Он вернулся, присел в кресло директора, нащупал ключи и тут только понял, как устал, – которую ночь подряд он спал всего по два часа...

Наверное, он задремал, а когда очнулся, был в комнате уже не один.

– Заходи, заходи. – услышал он громкий шёпот. – Повезло, дверь забыли запереть... Да шевелись ты!

В дверях спиной к нему, покачиваясь, стоял мужчина и втаскивал кого-то в комнату. Пока Митя соображал, не сон ли это, в комнату ввалилась женщина, ещё более пьяная, чем кавалер. Обнявшись, они рухнули на стоявший около двери диван, и оцепеневший Митя стал невольным свидетелем сцены с цензом «18+». Уйти, не обнаружив себя, он не мог, оставалось вжаться в кресле и ждать.

К счастью, скоро всё закончилось.

– Теперь ты понял? – заплетающимся языком сказала жен-

щина. – Митя по голосу узнал Изабеллу Борисовну, она-таки добилась своего. – Мы созданы друг для друга, милый... Это судьба...

– Заткнись. – отвечивал мужчина. – Вставай-ка, надо тебя отвести, пока никто не увидел.

Сделать это оказалось не так-то просто. После нескольких безуспешных попыток поднять Беллу, мужчина ушёл один, сказав на прощанье любимой:

– Нажралась, жидовская морда! Ну и валяйся тут...

Изабелла Борисовна лежала и бормотала:

– Музыка – это моя стихия... Не уходи, дорогой, я спою тебе «Болеро»...

Она уснула, так и не спев «Болеро». Митя осторожно перешагнул через нее и помчался к Асе.

6.

Несколько ночей подряд Митя ходил к камню и оставался там до тех пор, пока на востоке не начинало светлеть небо. Время пролетало незаметно. Он не спрашивал Асю ни о чём, держал слово, зато о себе рассказал почти всё. Ася умела слушать, но иногда задавала вопросы, которые ставили Митю в тупик. Например, однажды она спросила его, что такое «престижно». Митя рассказывал о своей будущей профессии и произнес это слово. Он объяснил. Ася долго думала, потом сказала:

– Поняла. Это значит, что тебе будут завидовать. Ну и что

же тут хорошего?

Митя не нашёлся что ответить. А когда она спросила: «Так ты, значит, для этого учишься?» – он совсем смутился и перевел разговор на другое.

Ася была очень странная девушка. Она почти ничего не знала о телевидении и кино, читала совсем другие книги, чем Митя и большинство его знакомых. Зато прекрасно знала музыку. Она часто рассказывала Мите о композиторах и произведениях, которые ей нравились, а иногда пела. У нее был негромкий, но очень приятный голос. Она не стеснялась петь и делала это с удовольствием, которое придавало пению особое обаяние. О композиторах она говорила, словно они были не люди, а святые. «Они бессмертны! Понимаешь? – говорила она. – Их уже давным-давно нет, а мы их помним и знаем. При жизни их никто не считал великими. Почти все служили богатым, а сами были бедны. Почему же богатых забыли, а их нет? Потому что они умели превращать себя, свои мысли, чувства, лучшее, что в них было, – в музыку. Когда она звучит, они вдруг оживают и разговаривают с нами». Митя слушал её с удивлением и восторгом.

Ася рассказала ему о своем любимце – норвежском композиторе Эдварде Григе, а потом спела ему песню Сольвейг, девушки, которая всю жизнь ждала своего жениха, ушедшего на поиски счастья. Он очень долго искал его, где его только не носило, он и думать забыл о невесте, а она ждала. И дождалась, хотя ослепла от слёз. Когда он вернулся, это был

уже другой человек, а она осталась такой же: чистой и любящей, как много лет назад.

И рассказ, и сама песня потрясли Митю. Когда Ася заканчивала песню, он был рад, что в темноте не видно его глаз, потому что он не смог сдержать слёз. Эти непрошенные, неожиданные слёзы испугали его – какой-то другой человек в нём плакал и переживал сентиментальную историю, и Митя ничего не мог с этим поделать.

Ася очень много знала о растениях и животных, но об истории и географии сведения у нее были обрывочны и своеобразны, что же касается техники, тут её неосведомленность была просто поразительна. Выяснилось, что у нее нет телефона, она ни разу не ездила в автомобиле, а о поездах и самолетах имела весьма смутное представление.

Митя уже не забивал себе голову догадками. Ни душевнобольной, ни даже чудачкой её нельзя было назвать, напротив, она казалась ему нормальнее и естественнее всех, кого он знал.

«Мало ли разных людей на свете, не могут же все быть одинаковыми. – думал он. – Вот у нас в институте: столько людей, каждый мнит себя единственным и неповторимым, а одеваются в одно и то же, одно и то же говорят, к одному стремятся. Да я и сам, как все... К сожалению...»

Как и раньше, он считал себя здравомыслящим и современным человеком, но в голову к нему стали приходиться мысли, которые очень смущали его. Например, его стало тяго-

тить сознание того, что в его жизни все predetermined, что он будет учиться, потом работать, вероятно, женится; появятся дети, которые тоже будут учиться, чтобы получить работу, работать, чтобы заработать на жизнь, рожать детей, чтобы научить их тому же самому... Круг замыкался, и Митя не мог найти в этом круге точки опоры: ради чего продолжается этот бесконечный процесс? Неужели только для того, чтобы заработать побольше денег, купить побольше вещей и... научить этому своих детей? Он чувствовал, что теряет, чего-то не понимает.

Возвращаясь в лагерь, он смотрел на всё другими глазами. Теперь при разговорах с людьми, которых он давно знал, у него порой возникало ощущение, что он видит их впервые. Словно на рентгеновском снимке он видел то, чего раньше не замечал: тщательно замаскированный эгоизм, ограниченность, какую-то душевную глухоту. Так ясно было, что их поступки диктуются практическими выгодами, заботой о том, чтобы, соблюдая известные приличия, получить как можно больше благ и удовольствий, заплатив за это по возможности меньше. Это ясновидение раздражало и беспокоило Митю. Он и раньше был не слишком общителен, теперь же стал сознательно избегать разговоров. Те, кто был в курсе, объясняли его нелюдимость разрывом со Светкой. Он не разубеждал, а сам словно замер в ожидании каких-то больших перемен.

Странные, бесцельные по лагерным нормам свидания со всем измотали Митю, он катастрофически не высыпался, но его тянуло к плоскому камню. Он убеждал себя, что приходит туда развеяться от лагерной суеты, смягчить боль от Светкиной измены, но в глубине души давно знал, что это не так. И вот пришла седьмая ночь...

Митя пришёл к плоскому камню в обычное время, но Аси не было. Это его ошеломило. Он смотрел на пустой камень и ничего не понимал. Уже привычная радость, которую он нёс в себе, вдруг превратилась в тревогу. Он только теперь по-настоящему понял, как важно для него видеть Асю. Мысли наскакивали одна на другую: «Наверное, что-то случилось... Я же ничего о ней и не знаю... Где её искать? А если она больше не приплывет?»

Ему вдруг представилось маленькая фигурка, медленно опускающаяся на дно: длинные волосы нехотя тянутся вслед, руки безвольно раскинуты... Как на экране, крупным планом, он увидел её бледное лицо с открытыми неподвижными глазами.

– Нет! – крикнул он и удивился, так жалобно прозвучало это в тишине.

Звук собственного голоса немного отрезвил его. Он стал убеждать себя: «Ничего страшного, что-то помешало ей приплыть сегодня, а завтра она будет ждать его, как всегда. Но

уходить нельзя, он подождет ещё немного. А вдруг она всё-таки приплывет, а его нет...»

Он вскочил – ему показалось, кто-то коснулся камня, но это был только жалобный всплеск одинокой заблудившейся волны.

Во что бы то ни стало надо было успокоиться. Митя лёг на спину, закрыл глаза и приказал себе думать о том, как в следующий раз, если... (никаких «если»!) ...в следующий раз он принесет ей цветы. В лагере их полно. Вокруг танцплощадки в вазонах растёт что-то белое и замысловатое... Нет, чепуха... Лиловые глицинии красивы, но из них не сделаешь букет, да и пахнут они неприятно... Прямо перед главным корпусом растут цветы с жёсткими зелеными листьями и высокими красными соцветиями, но у них такой самодовольно-скучный вид, что для Аси они не подойдут... Розы! Вот то, что надо! У столовой, на круглой клумбе их видимо-невидимо!

...И вот Митя уже идёт по аллее к столовой, а навстречу ему Светка. Она несет в руках охапку алых роз и жалобно говорит:

– Митя, отдай розы и уходи. Я знаю, она русалка, она тебя погубит... А я тебя люблю...

В самой середине клумбы по пояс в цветах стоит Евгений Борисович и поет басом: « О Марита-а-на-а, моя Марита-а-на, выйди на-а-а балко-он...» Подмигивает Мите и говорит:

– А она ничего! – и прищёлкивает пальцами.

Митя понимает, кого он имеет в виду: Изабелла Борисовна тоже здесь, у неё невероятно огромная грудь и зелёный русалочий хвост. Она выныривает из розовой пены, подплывает к Мите, трогает его лоб холодной рукой и говорит то-неньким голоском:

– Митя, проснись!

...Митя открыл глаза и увидел Асю, которая сидела рядом, с её волос натекла целая лужа. Она гладила его лоб и жалобно говорила:

– Митя, проснись! Я боялась, что ты уйдешь! Проснись же, Митя...

Митя молча смотрел на неё, словно видел впервые, потом взял холодную тоненькую ручку, бережно сжал в ладонях и поцеловал. Так же, не говоря ни слова, набросил на неё свою куртку и привлёк к себе. Он не спрашивал, почему она опоздала, и она ничего не объясняла, в этом уже не было необходимости. Ася прижалась к его груди, и так они долго сидели и молчали. Это было их объяснением в любви.

...

Следующая ночь соединила их. Ася ждала его, и как только он сел рядом с ней, торопливо сказала:

– Я всё знаю! Я знаю, что между нами теперь должно произойти... Я готова, только помоги мне.

– Ася... Если ты не хочешь...

– Хочу! – перебила она. – Я хочу того же, чего хочешь ты.

Мне немного страшно, но я знаю, что иначе быть не может. Значит, пусть будет! Главное всё равно уже произошло – мы встретились!

Митя взял её руки в свои:

– Подожди! Я сам не знаю, хочу ли я этого. Пожалуй, хочу, или думаю, что хочу, потому что должен хотеть. Я целый день сегодня только и делал, что думал о нас с тобой, и о других... Думал об **этом**... – он говорил медленно, подбирая слова, словно разговаривал с самим собой. – Думал, почему люди придают **этому** столько значения? И, знаешь, я, кажется, понял. Это – проверка. Понимаешь? Проверка! Когда двое нашли друг друга, они должны пройти через испытание и понять, для чего они вместе. У нас в лагере, да и везде, чаще всего я вижу одно и то же: два человека хотят получить удовольствие друг от друга. Просто пользуются один другим и называют это любовью. Но разве это любовь? Это надо называть другими словами... Их много, и все они грязные. И это неспроста! За удовольствие приходится расплачиваться: плата – стыд. Хочешь получить удовольствие – переступи! А кому не стыдно, те ничего и не платят. Но такие вообще ничего не понимают. А те, кто понимают, но не хотят отказаться от удовольствия, придумывают всякие оправдания. Говорят: **это** естественно, **это** необходимо для здоровья. Говорят: **это** нужно, чтобы продолжалась жизнь, чтобы появлялись дети. Всё неправда! Никто из тех, кто уединились сегодня ночью в нашем лагере, не делает это ради здоровья, тем

более ради того, чтоб появились дети. Наоборот, скажи им, что будут дети, они разбегутся в разные стороны. Удовольствие! Только удовольствие! И ещё тщеславие. И... не знаю, как сказать... какое-то болезненное наслаждение от того, что ты переступаешь через нечто запретное. Ведь недаром это называют грехом. – Он вздохнул. – Нет, не могу я это точно выразить, но это как-то... нечисто и эгоистично. И у меня сколько раз было так же, хотя я и не понимал этого. А сейчас всё по-другому. Я совсем не жду удовольствия. Более того, мне страшно – вдруг после этого всё изменится? И в то же время, как я могу доказать тебе, что я – твой? Весь! Если мы пройдем через это и не изменимся, не станем грязнее, хуже, значит, всё правильно, значит, так и должно быть.

Он помолчал, потом тихо сказал:

– Наверное, я всё-таки хочу этого, но больше всего хочу, чтобы это ничего не испортило.

Он отвел в стороны её волосы и прикоснулся к телу. Она вздрогнула и прошептала:

– Митя!... Я боюсь...

Митя опустил голову ей на грудь, прошелся по ней губами, потом начал целовать шею, затем подбородок, и когда, наконец, встретился с её губами, она задохнулась, судорожно всхлипнула и прильнула к нему...

То, что испытал Митя, невозможно было сравнить с тем, что бывало у него со Светкой. Со Светкой они брали друг у друга то, что каждый мог взять, и когда всё заканчивалось,

чувствовали что-то вроде обоюдной благодарности за угощение. Теперь же Митя чувствовал только одно – страстное желание выжать себя до капли и всего себя без остатка отдать Асе. Он чувствовал, что она хочет того же, и это удваивало, удесятеряло его усилия, наполняло ликованием. Отдать – в этом было радость и в этом же была мука, потому что всегда оставалось что-то, что невозможно отдать.

Со Светкой все заканчивалось спокойным удовлетворением, мало чем отличающимся от сытости после обед – оставалось только убрать грязную посуду. Теперь осталась нежность. Её нельзя было утолить. Митя наклонился к Асе и прикоснулся губами к её лбу.

– Что я наделала! – прошептала Ася. И заплакала...

– Ася, малышка, прости! – Митя гладил её по голове, целовал худенькие руки, а она рыдала и всё сильнее прижималась к нему. Он был ошеломлён случившимся, её слезами, чувствовал себя бесконечно виноватым, и в то же время его рапирало немислимое, невозможное счастье. Ему хотелось сделать для неё что-нибудь, чтобы она поняла, что он чувствует. И он повторял снова и снова:

– Я люблю тебя! Я люблю тебя! Не плачь, слушай: я тебя люблю!

– Ты ничего не понимаешь! Я не должна была этого делать! – она посмотрела на него взглядом, от которого у него сжалось сердце. – Но я не жалею...

Он взял её руки в свои, огромные и грубые по сравнению с

её тонкими пальчиками и стал целовать их. Она улыбнулась сквозь слезы:

– Скажи ещё раз, что ты меня любишь.

8.

Митя жил двойной жизнью. Днём было всё по-прежнему: он бегал по заданиям, проглатывал обед, не замечая, что в тарелке, и продолжал в том же духе. И прежде он не сидел без дела, а тут совсем замотался. Приближался День Нептуна, грандиозный праздник: двадцать мероприятий с утра до вечера. И везде что-то буксовало. Не хватало реквизита, людей, не хватало времени... Митя и так-то не всякий день бывал на море, а теперь совсем забыл туда дорогу.

А оно было рядом: то мелькнет синей полосой между белыми корпусами, то проглянет за кипарисами, словно в другом измерении, недоступном ему. Иногда он чувствовал себя актером, снимающимся на фоне экрана с морскими пейзажами.

И всё-таки море у него было. Он встречался с ним по ночам, в заливчике у плоского камня. Это была его вторая, никому не известная жизнь, и там был совсем другой Митя. Он плавал в чёрной таинственной воде, любовался звёздами, смеялся смехом, которым не смеялся с детства. О чём они только не разговаривали с Асей: о мистических явлениях, о судьбе, о том, что будет после смерти...

Однажды они полночи всерьёз размышляли о том, какие души у животных и растений, и представляли их. Они даже поспорили немного, но согласились, что самые красивые души у растений, похожие на цветы.

По ночам рядом с Асей он был гораздо сильнее, умнее, чем днём. А главное – он был искренним. Его уже не смущала нагота Аси. Он теперь сам раздевался, как только приходил сюда, и так же, как одежду, отбрасывал необходимость кого-то из себя представлять. Он переставал быть студентом-отличником, будущим инженером-строителем, перспективным женихом, он становился просто самим собой. И оказалось, что где-то глубоко в нём лежат воспоминания о том, как отец читал ему «Детей капитана Гранта», а он, лёжа на его сильной руке, был в одно и то же время и Робертом Грантом, и Паганелем, и индейцем Талькавом... Как ему было тогда хорошо! Оказалось, что эти воспоминания никуда не делись, так и живут в нём, но запылились в дальних углах памяти, заваленные делами, проблемами, вопросами, из которых состоит жизнь. Теперь эти проблемы и вопросы казались ему до такой степени ненужными и неважными, что он удивлялся. Для чего ему непременно нужно было быть отличником? Почему мама мечтает, да он и сам как будто ещё недавно хотел стать большим начальником и зарабатывать много денег? Зачем?

Он вспомнил, что когда-то любил рисовать и часами срисовывал из книг понравившиеся картинки, добавляя от се-

бя то, чего, по его мнению, им не хватало; дома где-то даже сохранился огромный красный альбом с его фантазиями... Никогда никому он не показывал своих стихов, которые вдруг сами полились из него в седьмом классе, а потом так же внезапно иссякли. Тогда ему было стыдно за эту «слабость». А теперь он был так рад, что вспомнил одно стихотворение:

Ушли на запад облака
Ушли на запад, к океану.
Мне с ними не уйти, пока
Таким же облаком не стану.

А мне бескрайний океан
Так сверху хочется увидеть,
Чтобы понять, что есть обман
И что мне надо ненавидеть.

Почему он написал их? Что рвалось из него и протестовало против лжи взрослых до такой степени, что ему не хотелось жить? Куда потом пропало это острое желание, чтобы в жизни всё было чисто, ясно и правдиво? Вспомнил он и то, что хотел бы стереть из памяти навсегда и бесповоротно: разговор отца с матерью, подслушанный им, незадолго до того, как отец ушёл от них. Они думали, что он спит. Многого он тогда не понял, а потом просто не смел вспоминать эту

страшную ночь, но оказывается она осталась в нём, он вовсе не забыл, а как бы боялся посмотреть в ту сторону. И вот теперь посмотрел глазами уже взрослого человека и ужаснулся поступку матери.

Оказалось, что в нём просто неисчерпаемые залежи любви. Это была другая любовь, не лагерная, о которой Евгений Борисович выражался кратко и энергично – словом из двух слогов. В этой другой любви главным было то, что можно выразить прекрасным словом — «доверие». Он понял, какое это счастье, когда всё, что в тебе есть, открыто, и не надо подбирать слова, думать, что и как сказать, не нужно ничего утаивать и приберегать на запас. Это доверие, это обоюдное желание отдать друг другу всё, что есть, и составляло сущность их любви с Асей.

Пользоваться друг другом – вот что такое были их отношения со Светкой. Любовь к Асе была полной противоположностью – ему хотелось не брать, а отдавать, и это было другое измерение любви. Со Светкой они порой позволяли себе то, чего он потом стыдился. С Асей не могло быть ничего стыдного и неприличного. А сознание, что и она желает того же: дать ему всё, что в её силах, – пронзало его таким наслаждением, о существовании, которого он раньше и не подозревал.

На следующую ночь он пошёл на свидание немного раньше. Издали звучала музыка – ещё не закончились танцы, и Митя, сам не зная зачем, завернул к танцплощадке.

Танцплощадкой в лагере служила круглая веранда с чугунной оградой, увитой плющом. Иногда на небольшой сцене выступал ансамбль, это событие собирало избранную публику, но сегодня была обычная дискотека. Митя подошёл после того, как отзвучала очередная композиция, и сразу увидел Светку и Роберта. Они стояли у самого края – Роберт, положив Светке руку на плечо, что-то говорил, видимо, в чём-то её убеждая, она кивала головой, тревожно глядя ему в лицо. Рука Роберта лежала на её плече по-хозяйски, уверенно. Митя, стоя в тени, внимательно смотрел на Светку. Такой Митя её ещё никогда не видел. У неё лихорадочно блестя глаза, и выглядела она взволнованной, напряженной и как будто растерянной.

Танцплощадка играла значительную роль в жизни лагеря. Она служила местом встреч и знакомств. То, что потом происходило в укромных уголках лагеря, частенько начиналось отсюда. Здесь тусовались, обменивались новостями, назначали свидания... Голоса, взрывы смеха, возбуждение, висевшее над площадкой – все это было так привычно и знакомо, что Мите невольно захотелось туда же, ко всем. Но какое-то отчуждение и даже враждебность ко всему, что здесь происходило, уже отделили его от остальных. Он вдруг почувство-

вал себя изгоем. Словно все, кто находились по ту сторону ограды, были стаей, в которой он не принадлежал. Это была страшная мысль, но ещё страшнее было думать, что он когда-то был таким же и мог таким и остаться.

Зазвучала музыка: быстрый, напористый ритм. Роберт схватил Светку за руку, потянул её в круг, и они ритмично задвигались. Роберт танцевал красиво, тело его пульсировало, перекачивалось мускулами, сливалось с музыкой. Бедная Светка, пытаясь подражать ему, дергала бедрами, извинаясь, но это получалось у неё совсем не так, как у Роберта. Она старалась изо всех сил, а Роберт, снисходительно, почти с презрением глядя на неё, добавлял в свои движения ещё чего-то, почти непристойного, и танец превращался в откровенный призыв. Прямо на танцплощадке он уже обладал ею, она знала это и принимала как должное.

То, что происходило между ними, не привлекало к себе внимания. Здесь с большим или меньшим успехом все делали то же: соблазняли, соглашались или отвергали, и всё это, не говоря ни слова. Митя словно впервые увидел, что на самом деле происходит на танцплощадке. Танец был здесь не искусством, не состязанием в ловкости и красоте, он приобретал свою первобытную суть – найти себе пару.

Митя смотрел на Светку, на Роберта, на остальных и чувствовал, что в нём закипает гнев. Он еще не умел сформулировать, что он ненавидит в происходящем, но он ненавидел. Сколько раз он сам бывал тут и ничего не замечал. Что же

произошло? Он чувствовал – дело не в Светке, не в Роберте. Что-то изменилось в нём самом.

Он круто развернулся и быстро пошёл по тёмной аллее, спускающейся к пляжу.

...

Прошло ещё несколько дней. Митя похудел, осунулся, последние дни он спал всего по несколько часов в сутки. Всё, что ему поручали, он делал машинально, думая об одном: когда же наступит ночь? Многие заметили, что с ним что-то происходит. Евгений Борисович ни с того ни с сего посоветовал ему пить пустырник. Девчонки многозначительно смотрели на него, за спиной хихикали. Ему было всё равно. Но однажды напряжение, которое копилось в нём, прорвалось. Митя подрался с Робертом.

Это случилось на оперативке. Роберт был красивый парень, но при этом отнюдь не глуп. Об эпизоде со Светкой он уже пожалел, нужен он ему был разве что для статистики, а Митя и в лагере, и институте был не последним человеком, портить с ним отношения Роберту не хотелось. Кроме того, по-своему он Митю уважал.

В конце оперативки, когда Евгений Борисович закончил давать наставления по поводу предстоящего завтра Дня Нептуна, сказав, между прочим: «Если кто-нибудь утонет, я и с него, и с вас семь шкур спущу!» – Роберт подсел к Мите

и положил руку ему на плечо.

– Макаров, не злись. Я всё понимаю, но она сама захотела... Не отказываться же? – он ухмыльнулся. – Если женщина просит...

– И чего ты от меня хочешь? – спросил Митя, убирая его руку с плеча.

– Да в общем, ничего. Скажу одно – она такая же, как все. Не стоит того, чтоб из-за неё нормальные мужики ссорились.

– Значит, я ненормальный.

Роберт наклонился к нему ближе и зашептал:

– Да не нужна она мне, пойми! Я же не знал, что у тебя так серьезно. Ну, перепихнулись, большое дело! Прости, если можешь.

Митя поднял глаза на Роберта. Тот, прищурившись, смотрел ему в лицо, готовый к любому повороту разговора. Красивый – густые ресницы, волевой подбородок – в эту минуту он олицетворял для Мити всю фальшь, всю корысть и всю грязь, которые стоят между мужчиной и женщиной и которые почему-то называют прекрасным словом – «любовь». Мите стало жаль Светку. Роберт подмигнул Мите и сверкнул своей неотразимой улыбкой.

– Ты за кого хлопчешь, за неё или за себя? – спросил Митя.

– Та-а-к... – процедил Роберт. Улыбка сбежала с его лица, оно стало жестким и грубым. – Я не хлопчу, просто совет могу дать, потому что жаль мне тебя. Так вот, запомни: баб

много, и все они хотят только двух вещей – либо в постель, либо замуж. Третьего не дано. Из этого исходи, лучше спать будешь. А то уже щёки ввалились... Кто-то тебя, видно, хорошо утешает. Может, познакомишь?

Митя ударил его прямо в красивое наглое лицо. Ударил с наслаждением. Роберт вместе со стулом упал ногами вверх. Все повскакивали со своих мест. Роберта схватили за руки. Митя стоял бледный, с холодными невидящими глазами.

Евгений Борисович побагровел и заорал:

– Идиоты!!! Совсем с ума посходили! Нашли место! Кочерян, на рабочее место, живо! А ты, Макаров!.. Уж от тебя не ожидал...

Он перевёл дух и сказал тихо, но внушительно:

– Предупреждаю: если последует продолжение, я вас обоих из лагеря вышвырну в два счета! А могу и из института! Понятно? Все свободны. Макаров – останься!

Когда все ушли, Евгений Борисович, отдуваясь, сел за стол вытер пот со лба и пропыхтел:

– Ну, рассказывай... Только не трудись повторять, то, что все говорят, это я и так знаю. Говори толком, что стряслось.

Митя сказал:

– Извините, что не сдержался... Кочерян сказал гадость.

Директор нахмурился:

– Я тебя не об этом спрашиваю. Я хочу знать, что с тобой происходит.

Митя даже не поднял глаз:

– Евгений Борисович, что со мной происходит, это никого не касается. Я не обязан Вам отчитываться. Извините за драку и разрешите мне уйти.

– Не разрешаю! – рявкнул директор. – Я отвечаю за порядок в лагере, за каждого из вас в отдельности и за тебя в том числе. Если ты утопишься в акватории лагеря, меня посадят. А если на тебя поступит заявление об – уж извини! – изнасиловании какой-нибудь несовершеннолетней потаскушки, я буду писать отписки всю оставшуюся жизнь. Кроме того... – он помедлил, – ...мне твоя судьба не безразлична. Не хочешь говорить, не надо, но если я могу тебе помочь... – он понизил голос и похлопал толстой волосатой рукой по столу, – ...а я многое могу... я сделаю. Имей это в виду.

Митя поднялся:

– Спасибо, Евгений Борисович, я буду иметь в виду. Но пока ничего страшного не произошло, не беспокойтесь.

– Ну, иди... Да не забудь, – Евгений Борисович перешел на свой обычный командный тембр, – чтоб плакаты к шести часам были готовы!

...

После обеда, когда он выходил из столовой, к нему подошла Светка. Она была в лёгком голубом платице и слегка подкрашена, словно собралась в город. Митя понял, что она специально ждала его.

– Митя, – Светка взяла его за руку и неловко улыбнулась, – можно с тобой поговорить? Давай зайдём в столовую, тут жарко.

Они вошли и остановились у большого во всю стену окна, за которым белым зноем сиял ослепительный день. Стойкие кипарисы гордо и печально несли эту пытку солнцем, всё остальное поникло и затаилось в изнеможении, дожидаясь спасительной вечерней прохлады.

На верхней губе у Светки блестели капельки пота, видно было, что она волновалась. Она не выпускала митину руку, ладонь её была влажная и холодная, несмотря на жару. Митя высвободил руку и вопросительно посмотрел ей в лицо:

– Я тебя слушаю.

Он был совершенно спокоен, его самого удивляло, до какой степени ему было безразлично то, что ему скажет Светка.

– Митя, прости меня. – жалобно сказала Светка. – Я сама не знаю, как это получилось. На меня что-то нашло. Прости меня, пожалуйста! – она вздохнула. – Я думала... Я думала, что он... – она замялась. – А он...

Помолчав, и видимо, истолковав митино молчание в свою пользу, Светка заговорила торопливо и доверительно:

– Ты очень обиделся? Не думай, он мне не нравится. С тобой мне гораздо лучше. Ты самый лучший, самый умный, ты самый, самый...

Митя молчал.

– Митечка, ну прости меня! Пожалуйста! – Светка зарыдала.

Митя по-прежнему молчал, смотрел на Светку, на её заплаканное, но всё равно привлекательное лицо и не понимал, почему он должен её прощать. Он слышал всё, что она ему говорила, ему было жаль её, но думал он в это время об Асе. Приближался вечер, приближалось её время, всё остальное было неважно.

– Я тебя прощаю. – сказал Митя. – Не плачь, всё будет хорошо, – и вышел из столовой.

10.

Два дня море штормило. Оно ревело, злилось, бросалось на берег лохматыми волнами, стараясь унести с собой всё, до чего могло дотянуться. Морю совсем не нужны были забытые полотенца, лодки и прибрежные постройки, просто у моря было плохое настроение. Величавое безразличие к тем, кто оскверняет его берега, вдруг сменилось ненавистью и тяжелой, исступленной злобой. Оно исходило ею, как цепной пёс, вся его исполинская мощь вкладывалась в эту злобу. Трудно было поверить, глядя на клочья пены и мутные грохочущие валы, что это та самая вода, которая несколько дней назад была разлита синим оливковым маслом до самого горизонта: ленивая, безмятежная, бесконечная...

...

Митя стоял на берегу и понимал: сегодня он снова не увидит Асю. «Ну что ж, хотя бы выплусь», – решил он.

В воздухе висели брызги, по небу шли тяжелые серые облака. Равнодушные чайки, неуклюже переваливаясь, ходили по песку и ждали конца шторма, они знали: им будет чем поживиться – море отходчиво. На душе у Мити было муторно...

Когда он уже собрался уходить, на самом краю пляжа замаячила фигура в красной куртке с поднятым капюшоном. Фигура подошла ближе, и Митя узнал Изабеллу Борисовну. Она кивнула ему, подошла и стала рядом.

– Не повезло с погодой. – грустно сказала Изабелла Борисовна.

Митя согласно покачал головой. Помолчали... Изабелла Борисовна многозначительно посмотрела на него из-под капюшона и спросила:

– Вы не слышали прогноз на завтра?

Митя пожал плечами. Изабелла Борисовна вдруг очаровательно улыбнулась:

– Митя, если не ошибаюсь? А у меня к Вам дело. Как удачно, что мы с Вами встретились. Евгений Борисович сказал мне, что Вы отвечаете за костюмы к празднику.

Митя кивнул головой. Изабелла Борисовна понизила голос и заговорщически прикоснулась к его руке:

– Он так хорошо о Вас отзывается... Просто влюблён...

– она подождала митиной реакции, но Митя молчал. – Дело вот в чём... Наш коллектив... Вы, конечно, слышали – «Зодчие»... Мы здесь отдыхаем и работаем: готовим программу для конкурса студенческой песни... В Болгарии, в сентябре... Вы бывали на наших концертах? Нет? Я Вас приглашаю... У нас потрясающая программа!

Лицо её стало озабоченным:

– Так вот, на празднике мы будем изображать разбойников, и нам нужны костюмы. Чем Вы можете нам помочь, Митя?

Митя задумался, потом покачал головой:

– Париков у меня уже нет – черти и русалки все разобрали. Есть какие-то шкуры и еще костюмы для спектаклей агитбригады. Я посмотрю... У сторожа вы можете взять ружьё, а у Евгения Борисовича есть кинжал, но это уж Вы просите сами. Что ещё? – Он подумал ещё немного. – Чёрной ткани я Вам дам сколько угодно, можете сделать плащи и банданы. Вот, пожалуй, и всё.

Изабелла Борисовна внимательно слушала, качала головой, а на лице её было написано: «Да, костюмы... конечно... Но ведь можно говорить и о костюмах, а подразумевать, что угодно...»

– У вас будет музыкальный номер? – спросил Митя.

– Разумеется! – Изабелла Борисовна выпятила нижнюю губу. – Шикарный! Латиноамериканские ритмы с элементами фанка и арт-рока. Мои мальчики влюблены в арт-рок.

Она придвинулась ближе к Мите и, словно невзначай, прикоснулась бедром к его ноге. Митя содрогнулся, а она таинственно прошептала:

– Знаете, какую вещь я хочу обработать в этом стиле?

– «Болеро»? – вырвалось у Мити

Изабелла Борисовна выпучила глаза, потом расплылась в улыбке:

– Как Вы узнали? – последовала целая серия многозначительных взглядов. – Митя! Вы так легко прочитали мои мысли, что мне делается страшно! Вы опасный человек!

Митя улыбнулся:

– Не для Вас, Изабелла Борисовна.

– Намеряете на возраст? – она шутливо погрозила ему пальцем и почти прижалась к нему. – Это не по-джентльментски. Кстати, а сколько Вам лет, Митя? Двадцать? Двадцать два?

– Девятнадцать. – ответил Митя и безжалостно добавил: – Я Вам в сыновья гожусь.

Изабелла Борисовна вспыхнула, бросила на него испепеляющий взгляд и тяжело задышала. Она хотела что-то сказать, но вдруг сникла и отвернулась. Мите стало стыдно. Изабелла Борисовна, не оборачиваясь, тихо сказала:

– У меня никогда не будет такого сына. Это жестоко, Митя...

Она ушла, а Митя долго ещё стоял, смотрел на волны и думал, думал... Мысли его были растрёпаны, как пена на

волнах. Он уже несколько дней ощущал в душе полный разброд и неопределенность. Не мог понять, как жить, как относиться к Светке, к Изабелле Борисовне, к матери, которая ушла от митинового отца, как говорили, по большой любви. Как быть дальше в отношениях с ребятами? Для чего учиться? Для чего вообще жить? Он уже понимал, что трещина легла между ним и миром, в котором он ещё недавно занимал определённое место и где ему была уготована не самая плохая судьба. Митя чувствовал: скоро ему придется делать выбор, правда, пока ещё не понимал, какой...

Между прочим, он решил поговорить с Ваней Свешниковым, чтобы тот перестал разносить по лагерю сплетни про Изабеллу Борисовну.

11.

...Они сидели на плоском камне и молчали. Митя тронул Асю за плечо. Она горько сказала:

– Уходи! И можешь не приходить, я больше не приплыву сюда.

– Ася! Что ты говоришь? – он схватил её за плечи.

Она отстранилась, потом, словно испугавшись чего-то, прижалась к нему:

– Я люблю тебя, Митя, но больше мы с тобой не встретимся. Поцелуй меня в последний раз. – голос её задрожал. – Ты меня не забудешь?

– Замолчи! – он крепко прижал её к себе. – Я все равно тебя найду. Куда ты будешь приплывать?

– Берег большой... – она вздохнула и высвободилась из его объятий.

– Ася, я не смогу без тебя жить!

– Это тебе сейчас так кажется. Всё пройдет. Ты только вспоминай меня с радостью.

Ася отвернулась. Глядя на её поникшие плечи, Митя чувствовал отчаяние. Он не понимал, что происходит, но видел, что изменить ничего нельзя, как нельзя остановить заходящее солнце или удержать волну. Если бы он сам не обманывал себя, он с самого начала должен был быть готов к тому, что они расстанутся: сказка не может продолжаться вечно. Но он не думал, что конец наступит так скоро. У него сжалось сердце, хотелось кричать.

Спокойно и грустно Ася сказала:

– Всё, что у меня было хорошего, было здесь, на этом камне, с тобой. Этого у меня уже никто не отнимет. Было – значит, будет всегда. Помнишь, мы с тобой говорили: то, что произошло, впечатывается во время. Наши отпечатки остались навсегда, их никто не сотрет. И этот камень всегда будет помнить нас.

Митя почти закричал:

– Ася! Но почему? Скажи хотя бы, почему? Ты же не хочешь, чтобы я мучился всю жизнь? Я даже не знаю твоего настоящего имени. Кого я буду вспоминать? Кто ты, в конце

концов?

Она повернулась к нему:

– А не все ли равно? Если даже русалка? Вот скажи, что ты – Нептун... или принц... или призрак... Что изменится для меня? Ничего! Я знаю твой голос, твои руки, твоё лицо – мои руки знают его лучше, чем глаза. Я знаю твои мысли, твою душу... Я знаю что-то, чего не могу ни потрогать, ни услышать, ни даже понять, но оно приходит от тебя ко мне и делает меня счастливой. Я люблю всё это... Я не знаю, как это случилось, но оно стало частью меня, лучшим, что есть во мне. Для меня это и есть – ты! Как тебе ещё сказать? Я люблю **тебя**, а не то, чем тебя называют, чем ты станешь когда-нибудь... или не станешь. И ты меня любишь, я знаю. Даже если бы ты мне ничего не говорил, я бы знала. И этого мне достаточно. А тебе этого мало. Ты – другой, и ты – мужчина!

Мне предупреждали, что любовь – это погибель. Говорили: если не любить, можно жить очень долго, даже вечно. А не хочу жить вечно. Я не хочу просто жить. Я хочу – быть! Быть с тобой, в тебе, потому что... – она запнулась, – ...потому что ничего другого я не могу, потому что ... мне и не надо другого.

Он убрал волосы с её лица:

– Ася, ты мне чего-то не договариваешь?

Митя взял её голову в ладони и повернул к себе. Ася заплакала:

– Да! Мне нельзя было любить. Я была строго-настрого предупреждена. Теперь я умру. Скоро... Я не хотела тебе говорить, но не могу больше тебя обманывать. – она схватила его за руку. – Кроме того, я боюсь за тебя. А вдруг ты не сможешь меня забыть? Так бывает...

– Что за бред? Ася! Почему ты умрешь? Кто тебя предупредал?

– Ты все равно не поверишь, да я и не смогу объяснить, чтоб ты понял, я и сама не понимаю. Я просто знаю, что скоро умру. Люди ведь тоже иногда умирают не старыми, правда? Но как ты думаешь: если б я смогла жить вечно, но без тебя, согласилась бы я на такую вечность?

Она прижалась к нему:

– Все равно я была счастливой!

12.

Митя сидел на камне. Стоял нежаркий, светлый, словно умытый день. Море было спокойно и как будто ждало чего-то. Небольшие прозрачные волны с любопытством подбегали к камню, касались его и убегали, уступая место другим. Это напоминало игру. В этот день море было похоже на ребенка, для которого всё – радость, всё – открытие, и всё – на несколько мгновений.

Митя тоже был спокоен. Он ничего не боялся, ни о чем не сожалел. Ему было хорошо, потому что он принял решение и знал – иначе быть не может. Лагерь, Светка, Веня, Евгений Борисович и все остальные были словно на другой планете.

Законы, по которым они там жили, были совершенно иными, чем здесь, на плоском камне, и Митя понимал, что в том мире места ему уже нет. Плохо это или хорошо, он не задумывался – так уж получилось.

Воды в этом месте было ему чуть выше пояса. Когда он прыгнул, вода тут же забралась под футболку, обхватила и защекотала его, словно радуясь и одобряя его решение. Он шёл по каменистому дну, пока вода не поднялась по грудь, потом оттолкнулся и поплыл...